

Тем временем круглолицая девушка стояла там, похоже, в недоумении. Она наблюдала, как Шэн Цзяоян подошла к раковине, чтобы помыть руки. Прикусив губу, круглолицая девушка тихонько позвала: "Цзяоцзяо". В душе круглолицая девушка подумала, что Цзяоцзяо, конечно, не вспомнит ее, ведь прошло уже две недели с тех пор, как она играла в "Императрице". Как Цзяоцзяо может меня запомнить?

"Это был твой менеджер?"

"Нет, не она. Откуда у такой, как я, менеджер? Ни одна компания или студия не подписала бы контракт с такой, как я. Сяосяо - моя подруга, мы познакомились, играя эпизодические роли. Но... - круглолицая девушка опустила голову, - она больше не играет в массовках".

Шэн Цзяоян дважды подряд услышала "кто-то вроде меня". Это означает, что у девушки низкая самооценка и, возможно, она сталкивалась со многими неудачами в жизни.

"Почему ты все еще пытаешься?"

Девушка горько рассмеялась: "Возможно, работа официанткой в ресторане окажется более стабильной, чем то, чем я занимаюсь сейчас, но я всегда мечтала стать актрисой, с самого детства. Я еще молода и не хочу сдаваться. Я счастлива, даже если буду играть роль служанки".

"Ты уже отправилась на поиски компании по управлению артистами?"

"Да, Сяосяо рекомендовала меня в свою компанию, но они посчитали, что я никогда не проходила профессионального обучения, у меня нет ни академического образования, ни внешности. Кроме того, я слишком миниатюрна, они меня отвергли и сказали, что такие, как я, обречены всю жизнь играть роли второго плана".

Шэн Цзяоян достала из бумажной трубки на умывальнике кусок бумажного полотенца, чтобы вытереть руки. Тщательно вытерев руки, она подняла голову, посмотрела на отражение нервной девушки и задала последний вопрос. "Как тебя зовут?"

"Е Цзы, Цзы как китайский иероглиф 'фиолетовый'".

Шэн Цзяоян достала из сумочки визитную карточку и передала ее Е Цзы. "Вы можете позвонить по этому номеру."

"Она бросила последний взгляд на Е Цзы, после чего повернулась и вышла."

"Это...", - Е Цзы растерялась.

Шэн Цзяоян не ответила ей и ушла.

Е Цзы подняла руку и положила карту на уровень глаз. В центре карточки было написано чернилами: Сюй Пин, менеджер Сюй Цзяоцзяо. Следующей строкой был указан номер мобильного телефона Сюй Пина. Это была очень простая визитная карточка, но Е Цзы чувствовала себя так, словно держала в руках огромный кусок золота.

Это возможность!

Она поняла это почти сразу, как только увидела, что написано на визитке.

Для Шэн Цзяояна дать Е Цзы визитку было просто проявлением вежливости, но от него

зависело, ухватится ли она за эту возможность.

Шэн Цзяоян подумала, что круглое пухлое лицо Е Цзы радует глаз, и решила совершить этот неожиданный акт доброты, чтобы помочь настойчивой мечтательнице осуществить свою мечту.

Войдя в отдельную комнату, Шэн Цзяоян была почти ошеломлена оглушительным ревом. Директор Ма, который обычно говорил мягко, истерично кричал в микрофон. Разительный контраст в его поведении заставил Шэн Цзяоян задуматься, не является ли стоящий перед ней директор Ма самозванцем.

"Давайте, споем вместе!" Шэн Цзяоян только вошла в комнату, как ей в руки сунули микрофон. Шэн Цзяоян улыбнулась и молча положила микрофон обратно на стол.

В этот вечер Шэн Цзяоян по-новому осознала, что такое "микрофонный барахольщик".

Пение директора Ма было ужасным, но он продолжал держать микрофон в руках, поэтому независимо от того, кто выбирал песню, можно было услышать только его ужасающее пение, которое могло заставить плакать богов.

Когда она вернулась в отель, чтобы отдохнуть, она все еще слышала жуткие крики директора Ма, которые все еще звенели в ее ушах.

Это было даже... ужаснее, чем присутствовать на месте автокатастрофы.

Там, где она находилась, было уже 11 часов вечера, но на другой стороне видеосвязи все еще было дневное время.

Шэн Цзяоян жаловалась на пение директора Ма, пока не почувствовала, что немного устала от сидения и прилегла. Глядя на все более приятного мужчину в видеозвонке, она вдруг проговорила: "Чжинин, я никогда раньше не слышала, как вы поете. Ради моих поврежденных ушей, не мог бы ты спеть мне песню, чтобы очистить их?".

Шэнь Чжинин слегка приподнял бровь. "Раз вы никогда не слышали меня раньше, с чего вы взяли, что я буду петь лучше, чем директор Ма?"

Глаза Шэн Цзяоян изогнулись в два полумесяца, и она польщенно сказала: "Моя интуиция подсказывает мне, что ты, несомненно, хорошо поешь".

"Ну же, я хочу услышать, как вы поете прямо сейчас", - кокетливо сказала Шэн Цзяоян.

Она никогда так себя не вела, и ее мягкий, нежный и полный надежды голос растопил сердце Шэн Чжинина.

На мгновение телефон замолчал, а затем послышалось гудение хриплого мужского баса; это была английская песня в адажио.

Глаза Шэн Цзяоян ярко блестели, когда она смотрела на экран своего телефона. Все-таки мои инстинкты верны.

Услышав его успокаивающую серенаду, Шэн Цзяоян быстро погрузилась в сон. Ее веки опустились, и она погрузилась в дрему.

Не успела песня закончиться, как Шэн Цзяоян погрузилась в глубокий сон.

Из телефона больше не доносилось пение, но голосовой вызов не сразу прервался. Шэнь Чжинин несколько мгновений слушал дыхание Шэн Цзяояна, а затем спокойно положил трубку.

На следующий день Шэн Цзяоян вернулась на съемочную площадку с полностью восстановленной энергией.

После почти двух недель съемок, продолжавшихся днем и ночью, большинство сцен в помещениях и в императорском саду были закончены.

Главной сценой дня стала сцена на открытом воздухе. Это был день рождения императора, и он привез императорскую супругу У и Му Цзинью, которая только что повысилась в ранге и стала императорской наложницей Цзинь, на охоту. Их также сопровождали другие сановники.

Императорский супруг У был генералом и наверняка умел ездить на лошади.

Однако Му Цзинью была просто женщиной, которая застряла в своем будуаре до замужества и не умела ездить на лошади. Поэтому император ездил с ней на одной лошади.

У Цинхэ смотрела свысока на таких слабых и хрупких женщин, как Му Цзинью, но императору они нравились. Она была возмущена этой женщиной, которая могла лежать в объятиях императора. Но она уже однажды проиграла императорской наложнице Цзинь и знала, что не может найти неприятности с последней в присутствии императора, иначе они отдалятся друг от друга.

Чтобы привлечь внимание императора, У Цинхэ сказала, что лично отправится на охоту за самой ценной дичью в качестве подарка для первого.

Император охотно согласился.

На самом деле император тайно послал своих людей в засаду, чтобы подстеречь У Цинхэ. Он хотел, чтобы они заставили ее упасть с лошади и получить травму. Тогда он мог бы воспользоваться этой возможностью и, во имя любви к У Цинхэ, вернуть ей контроль над императорским гаремом, чтобы она стала просто фигуранткой.

Тем временем Ву Цинхэ, не зная ничего этого, в приподнятом настроении скакала к охотничьему лесу.

Съемку верховой езды завершала каскадерша. Шэн Цзяояну оставалось только сесть на бутафорскую лошадь, чтобы снять крупный план.

Однако в этой сцене был довольно забавный эпизод. Императорская супруга Ву упала с лошади и получила травму. Император, чтобы показать, как сильно он заботится об императорской супруге У, лично приехал, чтобы перенести ее в карету. В итоге, поскольку императорская супруга У была слишком высокого роста, император чуть не вывихнул спину, когда нес ее.

При виде выражения лица Гу Чжоу, который намеренно делал вид, что это очень трудоемкая работа, Шэн Цзяоян громко рассмеялся.

"Снято!" Режиссер Ма немедленно остановил съемку.

"Директор, это моя вина", - Шэн Цзяоян слезла с рук Гу Чжоу и признала свою ошибку.

"Все в порядке, это такая редкость - видеть, как ты совершаешь ляпы", - отмахнулся от нее режиссер Ма.

Это было обычным явлением, когда актеры и актрисы раздражались неуместным смехом во время съемок. Если они специально не затягивали процесс, все были не против.

Во время второго дубля Шэн Цзяоян снова разразилась смехом.

Гу Чжоу поддразнил: "Сколько еще раз ты хочешь, чтобы я тебя понес?".

"Горькое выражение твоего лица слишком забавно", - Шэн Цзяоян протянула обе руки в стороны.

Гу Чжоу рассмеялся, не смотря на себя.

"Так, готово!" крикнул директор Ма.

"Сцена 103, дубль 3, действовать!" Раздался звук хлопушки.

На этот раз Шэн Цзяоян наконец-то обрела иммунитет к жалкому выражению лица Гу Чжоу. Как только Гу Чжоу поднял ее на руки и напустил на себя жалкое выражение лица, она сделала вид, что обрадовалась и одновременно смутилась, а затем робко спрятала голову в объятиях Гу Чжоу.

С другой стороны, Гу Чжоу выглядел так, как будто ему было очень трудно, и нес ее в карету. После того как дворцовые служанки задержали шторы, сцена закончилась.

Изначально съемочная группа планировала снимать другие сцены на открытом воздухе во второй половине дня, но во время перерыва погода внезапно изменилась, и пошел дождь. Поэтому все переместились на крытую съемочную площадку и перенесли сцены, которые должны были сниматься намного позже.

Императорская супруга У отравила Му Цзинюя, который только что стал супругом Цзиня, и была обнаружена. В итоге император признал ее виновной в отравлении императорского наследника и сослал в Холодный дворец. Му Цзинюй прибыла в Холодный дворец с императорским указом, в котором император объявлял ее сына наследным принцем. У Цинхэ впала в истерику и хотела броситься на Му Цзинюй, но та приказала слугам подавить У Цинхэ и дала У Цинхэ крепкую пощечину в ответ на пощечину, которую У Цинхэ дала ей, когда та была бессильна.

Му Цзинюй вздохнула при виде некогда чрезвычайно высокомерной императорской супруги У, стоящей на коленях на полу с растрепанными волосами, и бросила последние слова перед тем, как покинуть Холодный дворец: "Ты такая, какая ты есть сегодня, потому что Его Величество никогда не любил тебя".

У Цинхэ очень долго стояла на коленях на полу, пока ее служанка не заплакала и не стала умолять ее встать. Только тогда У Цинхэ медленно встала с помощью служанки, но ее лицо было лишено всякого выражения.

"Ваше Высочество, пожалуйста, не пугайте эту служанку", - потрясенно произнесла служанка.

У Цинхэ внезапно оттолкнула служанку в сторону и приказала: "Приготовьте для императорской супруги кисти для письма, палочки для чернил, бумагу и чернильные камни".

Служанка упала на колени. "Ваше Высочество, теперь, когда мы здесь, ничего этого не будет".

У Цинхэ замерла на долю секунды, а потом вдруг оторвала кусок ткани от подола своего платья, укусила себя за палец и написала на ткани.

Наконец, побледнев, она протянула кусок ткани служанке и сказала: "Во что бы то ни стало, ты должна передать это в руки Его Величества".

"Ваше высочество...", - тихо позвала служанка со слезами на глазах и вышла из комнаты.

У Цинхэ продолжала смотреть в сторону ворот, пока...

"Стоп!"

Шэн Цзяоян закрыла глаза и сделала глубокий вдох, чтобы успокоить свои эмоции.

"Цзяоцзяо, ты в порядке?" Цзэн Хуань торопливо подбежал.

"Я в порядке", - Шэн Цзяоян махнула рукой и подошла к монитору, чтобы посмотреть повтор вместе с режиссером.

Просматривая сцену, где она прикусила палец, чтобы написать, Шэн Цзяоян рассмеялась и сказала: "Без всякого постпродакшна смотреть на эту сцену - все равно что смотреть комедию".

"Съемки всегда проходят так. Хорошо, эта сцена завершена", - объявил режиссер Ма.

Когда Шэн Цзяоян уже собиралась уходить, она услышала вопрос режиссера Ма: "Как продвигается репетиция сцены плача?"

Ошеломленная, Шэн Цзяоян повернулась и посмотрела на директора Ма.

Она неуверенно спросила: "А что, если я все еще не могу плакать?"

"Плакать - это фундаментальный навык, почему ты не можешь?" Директор Ма нахмурился, в его выражении лица промелькнули нотки беспомощности.

Проходивший мимо Лю Цзинье небрежно сказал: "Зачем победителю в жизни уметь плакать?"

"..." Директор Ма потерял дар речи.

"..." Шэн Цзяоян ничего не ответил.

Режиссер Ма прочистил горло и торжественно сказал: "Следующая сцена, которую мы будем снимать, - это ночная сцена, где императорская супруга Ву в последний раз видит императора. Мне все равно, какой метод вы используете, но вы должны плакать!"

Шэн Цзяоян повернулся и жестом подозвал Цзэн Хуана: "А'Хуан, быстро принеси мне лук".

"..." Директору Ма нечего было сказать.